

УДК 811.11-112

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2026-74-2-102-116

БЕЗЛИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ДРЕВНЕСАКСОНСКОМ И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ

Е. В. Разумных

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

В статье представлены результаты исследования, цель которого — выявить арсенал и специфику безличных конструкций в памятниках древнесаксонского языка и сравнить их с древнеанглийскими аналогами. Материал исследования охватывает текст «Хелианда» и фрагмент Книги Бытия, которые изучаются на предмет наличия в них соответствующих структур с помощью метода сплошной выборки и сравнительно-исторического анализа. Исследование показало, что набор безличных конструкций в древнесаксонском языке представлен в основном моделью с глаголами экспериенциальной семантики и моделью с формальным подлежащим. Экспериенциальная семантика реализуется ограниченным кругом глаголов, которые имеют аналоги в древнеанглийском, и предполагает наличие семантического субъекта в косвенном падеже. Помимо этого, отмечена и конкурирующая конструкция типа «источник — субъект», которая имеет в своем составе номинативное подлежащее, однако характеризуется семантикой, традиционно рассматриваемой как безличная. Отдельную подкатегорию в рамках экспериенциальной модели представляют конструкции с глаголами широкой бытийной и событийной семантики, приобретающие в тексте «Хелианда» формульный характер. Модель с формальным подлежащим также реализуется с событийными глаголами и может иметь в качестве такого подлежащего не только местоимение среднего рода *hit*, но и семантически ослабленное указательное местоимение *that*. Различия в особенностях реализации безличных конструкций в двух текстах сводятся к частотности отдельных глаголов, наличию условных (эпических) формул, а также к прагматике их употребления для целей повествования. В целом все обнаруженные структуры могут считаться компонентами единой картины категории имперсональности в древнесаксонском языке. Результаты исследования пополняют данные об истории и развитии германских языков за счет сравнения с древнеанглийским, где спектр употребляемых безлично глаголов оказывается в целом выше за счет большего объема и разнообразия памятников, однако основные структурные и семантические принципы построения безличных структур схожи с теми, которые были выявлены для древнесаксонского языка.

Ключевые слова: древнесаксонский язык; древнеанглийский язык; безличные конструкции; безличные глаголы; безличность; семантический субъект.

Цитирование: Разумных Е. В. Безличные конструкции в древнесаксонском и их параллели в древнеанглийском // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2026. Вып. 2 (74). С. 102–116. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2026-74-2-102-116.

Impersonal Constructions in Old Saxon and Their Counterparts in Old English

Elena V. Razumnykh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The article presents the results of a study aimed at identifying the inventory and distinctive features of impersonal constructions in Old Saxon and comparing them with their Old English counterparts. The material analyzed comprises the *Heliand* and the surviving fragment of *Genesis*, which were examined for the presence of such constructions using the methods of exhaustive data collection and comparative-historical analysis. The study demonstrates that the inventory of impersonal constructions in Old Saxon is represented primarily by two structural models: one involving experiential verbs and another with a formal subject. The experiential model is realized by a relatively limited set of verbs, all of which have counterparts in Old English, and is characterized by the presence of a semantic subject in an oblique case. In addition, the study identifies a competing construction of the *source–subject* type, which contains a nominative subject but exhibits semantics traditionally regarded as impersonal. A distinct subcategory within the experiential model consists of constructions with verbs of broad existential and eventive semantics, which assume a formulaic character in the *Heliand*. The model with a formal subject likewise occurs with eventive verbs and may employ as its formal subject not only the neuter pronoun *hit* but also the semantically weakened demonstrative pronoun *that*. The differences in the realization of impersonal constructions in the two texts are primarily reflected in the frequency of individual verbs, the presence of conventional (epic) formulas, and the pragmatics of their use for narrative purposes. Overall, all of the constructions identified may be regarded as components of a unified system of impersonality in Old Saxon. The findings contribute to our understanding of the history and development of the Germanic languages through comparison with Old English, in which the range of verbs used impersonally is generally broader owing to the greater size and diversity of the surviving textual corpus. At the same time, the principal structural and semantic principles underlying impersonal constructions are essentially the same in both languages.

Key words: Old Saxon; Old English; impersonal constructions; impersonal verbs; impersonality; semantic subject.

Citation: Razumnykh, Elena V. (2026) Impersonal Constructions in Old Saxon and Their Counterparts in Old English. *LUNN Bulletin*, 2 (74), 102–116. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2026-74-2-102-116.

1. Введение

Категория безличности, проблематика которой достаточно подробно разработана на материале русского языка, имеет первостепенную связь с понятием грамматического лица и теорией членов предложения. Определение безличных предложений дается при этом по совокупности их структурных и семантических свойств. С точки зрения структуры безличными в русском языке признаются односоставные предложения, не обнаруживающие согласования главного члена (предикативного центра) с каноническим подлежащим в именительном падеже, хотя идея субъекта как активного производителя действия или носителя состояния (при его наличии) может выражаться за счет косвенных падежей. Что касается семантики безличности, то она, как правило, связывается со значением неопределенности, неизвестности или неконтролируемости субстанции,

от которой исходит действие или признак, а также с устранением инактивного субъекта от действия или состояния, которые представляются произвольными и существующими сами по себе (см., напр., [Галкина-Федорук 1958: 123; Золотова 2009: 120]). В целом же выделение семантического инварианта безличного предложения в русском языке существенно затруднено из-за многообразия их типов и разновидностей, что в свое время было охарактеризовано В. В. Виноградовым как «сложная и пестрая гамма переходных типов от полной безличности до безличности мнимой или потенциальной (Виноградов 1986: 341).

В английском языке исследования по безличности сосредоточены в основном на материале древнего и среднего периода по той причине, что именно на этих этапах существовали конструкции со схожим сочетанием как структурных, так и семантических признаков безличности. Особенности и причины изменения морфосинтаксического строя языка с последующим угасанием безличной конструкции на протяжении долгого времени остаются предметом активной дискуссии среди исследователей, в связи с чем представляется необходимым дать небольшой обзор тех взглядов и подходов, которые используются при формулировке понятия безличности в истории английского языка.

В. ван дер Гааф проводит различие между истинно безличными (*really impersonal*) и квазибезличными (*quasi-impersonal*) глаголами. Первые используются для описания природных явлений и не претерпели существенных изменений в исторической перспективе (напр., *it thunders, it rains*), в то время как вторые в древнеанглийском управляли семантическим субъектом (в функции дополнения) в дательном или винительном падеже (van der Gaaf 1904: 3). Н. Вален разграничивает личные и безличные конструкции следующим образом: если субъект-подлежащее четко выражен и обозначен морфологически независимым словом, то конструкцию следует считать личной. К таковым следует относить и случаи, когда даже при фактическом отсутствии грамматический субъект легко восстанавливается из контекста и глагольной флексии и при необходимости может получить отдельное словесное обозначение. В противоположность личным конструкциям безличные не имеют в своем составе морфологически независимого указания на субъект. Помимо отсутствия такого морфологически выраженного подлежащего характерным качеством безличных конструкций Н. Вален считает синтетическое соединение в глагольной форме идеи субъекта и предиката, которые могут быть вычленены только посредством более глубокого семантического анализа. Кроме того, он указывает на формальное подлежащее *hit* (а применительно к древневерхненемецкому — *iz*), которое может использоваться в функции грамматического субъекта, превращая тем самым безличные выражения в личные со структурной точки зрения. Тем не менее Н. Вален отрицает наличие у данных элементов какой-либо семантической нагрузки, называя их *sham subject* (Wahlen 1925: 9).

Б. Митчелл пишет о том, что безличной конструкцией применительно к древнеанглийскому следует считать ту, в которой подлежащее носит формальный характер (*hit*), или же ту, в которой подлежащего нет вовсе и его нельзя выразить иначе, кроме как формальным *hit* (Mitchell 1985: 427). Признавая простоту определения, данного безличным конструкциям Б. Митчеллом, Д. Риндж и А. Тэйлор указывают, что многие из тех древнеанглийских глаголов, которые встречаются в безличных предложениях в понимании Б. Митчелла, могли функционировать и в структурах иного рода с номинативным подлежащим, не равнозначным формальному *hit*. Их собственная классификация предикатов с семантикой безличности включает глаголы, описывающие природные явления (*weather verbs*), и глаголы экспериенциальной семантики (*experiencer verbs*), представляющие события и действия как находящиеся вне контроля экспериенцера, который имеет при этом форму дательного или винительного падежа (Ringe, Taylor 2014: 439–440). Схожее понимание находим у Т. Виссера, который описывает в качестве безличных конструкции типа *hine / him hungreth* с семантическим субъектом, являющимся со структурной точки зрения дополнением (*object*), а также конструкции с местоимением (*h*)*it* в функции формального подлежащего (Visser 1969: 424). Для М. Огуры определение древнеанглийских безличных конструкций, сводящееся к отсутствию явно выраженного грамматического субъекта или же наличию формального *hit*, представляется слишком абстрактным, в связи с чем она предлагает свою собственную, достаточно комплексную терминологию и классификацию соответствующих структур. Так, она выделяет условно безличные структуры, субъект (действующее лицо) в которых имеет форму дательного или винительного падежа; собственно безличные глаголы, такие как *rignan*; выражения с формальным (*h*)*it*; а также неноминативные выражения (*nominativeless expressions*) без формального (*h*)*it*. Помимо этого, она отличает условно личные конструкции от собственно личных (*'personal'* vs *personal*): в первых под именительным падежом подлежащего скрывается какой-либо неодушевленный предмет (*nominative of thing*), в последних — человек как действующее лицо (*nominative of person*) (Ogura 1986: 17).

В фундаментальном труде, посвященном истории английского языка, Э. Трауготт указывает на древнеанглийские «безличные глагольные конструкции» (*impersonal verb constructions*), которые не требуют подлежащего в именительном падеже, и считает, что с терминологической точки зрения было бы правильным именовать их «бесподлежащими / бессубъектными» (*subjectless*), хотя в ряде случаев место подлежащего может быть занято семантически опущенным местоимением третьего лица среднего рода (*empty it*). Семантика глаголов в таких конструкциях включает указание на природные и погодные явления, описание сенсорных и когнитивных процессов, констатацию фактов, говорение. При этом отмечается, что почти все глаголы, использующиеся в безличных конструкциях, допускают реализацию в «небезличных» (*non-*

impersonal) структурах, где присутствует субъект в семантической роли экспиенцера или стимула (побудителя, инициатора и т. п.). Примером тому являются прототипные древнеанглийские глаголы типа *lician* или *lystan*, известные возможностью реализации как с рецептивным, так и каузальным значением (Traugott 2005: 208–210). Подобное различие в семантике, обусловленное ролью субъекта (экспиенцер или источник действия), признает и А. Хогг, однако в отличие от Э. Трауготт он считает такие варианты разными структурными типами древнеанглийской безличной конструкции (Hogg 2006: 166–167).

В коллективной работе по синтаксису древнеанглийского языка, объединившей наиболее авторитетных ученых в данной отрасли (О. Фишер, А. ван Кеменаде, В. Купман и В. ван дер Вурф), указано, что термин «безличный» (*impersonal*), который содержит в себе много неясного из-за его весьма разнообразной трактовки, является, по сути, общим названием для класса глаголов, которые описывают некоторый когнитивный или ментальный опыт, связанный с непроизвольным участием в каком-либо действии или событии, что на синтаксическом уровне выражается в отсутствии подлежащего-агенса в именительном падеже и присутствии глагола в форме третьего лица единственного числа (при этом структуры с *it* в данную категорию не попадают по формальным основаниям) (Fischer et al 2003: 23, 44). На особую семантику таких конструкций, выражающуюся в отстраненности семантического субъекта как носителя некоторого состояния и неконтролируемости затрагивающего его действия или процесса, указывают и другие исследователи (напр., [Los 2015: 106]). Р. Фалке предлагает считать, что в безличных конструкциях актант-экспиенцер имеет гибридный статус, занимая промежуточное положение между категориями субъекта-подлежащего и объекта-дополнения с признаками и того и другого (Möhlig-Falke 2012: 215).

Таким образом, среди широкого разнообразия исследовательских взглядов несложно заметить, что проблематика категории безличности применительно к древнеанглийскому языку имеет много общего с русской грамматической традицией. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие единой, общепринятой терминологии. Почти все исследователи соглашаются, что термин *impersonal* носит весьма условный характер и не дает адекватного отражения сути подразумеваемого под ним явления, однако его использование диктуется отсутствием более подходящих альтернатив. Помимо этого, в качестве характерных признаков безличного предложения признаются некоторые особенности его структуры (наличие формального подлежащего для английского языка, односоставность для русского, а также — в обоих языках — косвенный падеж актанта, указывающего на семантический субъект) и специфическая семантика, сводящаяся к инактивности субъекта и неконтролируемости описываемого действия или процесса. Более того, исследователями осознается и то, что степень устранимости субъекта может быть различной, что находит выражение в градации признаков безличности как истинной или условной. Наконец,

этимология безличной конструкции, вне зависимости от языка, ставит перед исследователями одинаковые вопросы первичности структур с личным или безличным значением, а также причины угасания или, напротив, широкого распространения безличных оборотов в тот или иной период развития языка.

Учитывая универсальность тенденций в трактовке вопросов безличности, мы решили приложить те характеристики безличного предложения, которые обычно выделяются для древнеанглийского языка, к материалу древнесаксонского. Целью настоящего исследования является, таким образом, выделение и описание перечня безличных структур древнесаксонского языка и проведение параллелей с соответствующими конструкциями в древнеанглийском.

Актуальность исследования определяется отсутствием каких-либо системных описаний безличной конструкции в древнесаксонском, как, впрочем, и сравнительно малым количеством работ по грамматике этого языка. Так, описание глагольных сочетаний с косвенным падежом субъекта в тексте «Хелианда» находим лишь у О. Беагеля (Behaghel 1897), который, однако, не характеризует их с точки зрения присущих безличным конструкциям признаков. Помимо этого, краткие сравнительные замечания касательно безличных структур в древнегерманских языках (готском, древневерхненемецком, древнесаксонском, древнескандинавском) есть у М. Огуры (Ogura 1986: 28–32).

Новизна исследования состоит в нетривиальном подходе к оценке и анализу безличности как грамматического явления с учетом его структурных и семантических характеристик.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материал исследования включает два важнейших памятника древнесаксонского языка — поэму «Хелианд» и фрагмент Книги Бытия («Генезис»), объем которых является наибольшим из всех сохранившихся текстов.

Метод исследования определяется его целью и подразумевает, помимо выборки и изучения контекста, проведение сравнительно-исторического анализа языковых фактов. Оправданность такого подхода подкрепляется прежде всего тесным генетическим родством древнесаксонского и древнеанглийского языков, общность лексики и грамматического строя которых позволяют считать их некогда взаимопонятными. Более того, обращаясь к замечанию Д. Лайтфута о том, что «фундаментальной предпосылкой исследований в области диахронического синтаксиса является возможность сравнения грамматического строя по меньшей мере на двух этапах развития языка» (Lightfoot 1979: 5), мы можем констатировать, что применительно к древнесаксонскому как несохранившемуся на сегодняшний день языку единственным исследовательским решением является сопоставление с материалом родственных языков той же эпохи, которое хоть и не позволит в полной мере проследить развитие языковых структур в диахронии, однако может иметь большое значение для понимания общих закономерностей языкового строя древних германских языков и их истоков.

3. Результаты исследования и их обсуждение

1) *Глаголы метеорологической семантики*, конструкции с которыми признаются истинно безличными большинством исследователей, в текстах «Хелианда» и «Генезиса» не отмечены. Вместо этого погодные явления описываются с помощью конструкций, которые имеют подлежащее в именительном падеже и потому не могут считаться безличными в строгом смысле слова, например:

(1) *Thuo bigan thes uuedares kraft, ust up stigan, uthiun uuahsan*¹ (Н 2241–42) / *Тогда наступила непогода, шторм поднялся, волны выросли* (перевод примеров здесь и далее наш. — Е. Р.)

В древнеанглийских памятниках перечень безличных глаголов, указывающих на явления природы и состояние окружающей среды, довольно широк: *rignan, sniwan, þunrian, freosan, hagian, leohtan, dagian, æfenlæcan, æfnian, sumerlæcan, winterlæcan*. Некоторые из них встречаются как с формальным подлежащим *hit*, так и без него (см. примеры в [Ogura 1986: 42–47]). Хотя семантика подобных конструкций не предполагает наличия какого-либо действующего лица, не все исследователи применяют к ним термин *impersonal*, что связано с наличием в их составе хоть и формального, но все же номинативного подлежащего (см., напр., [Fischer et al 2003]). В качестве альтернативы во многих классификациях используется термин *weather-verbs*. В отношении древнеанглийского М. Огура указывает на конкурирующую конструкцию типа *morgen / leoht / dæg com* (Ogura 1986: 48), которая использовалась в основном в языке поэзии для указания на наступление какого-либо события, времени дня или года; со структурной точки зрения она идентична высказыванию в примере (1).

2) *Модель с глаголами экспериенциальной семантики*, управляющими дательным или винительным падежом семантического субъекта, представлена преимущественно в тексте «Хелианда». Среди отмеченных глаголов — *brestan, likon, (gi)lustian, thurstian, (uundar) thunkian, hreuuuan*, а также глаголы, выражающие идею событийности, наступления каких-либо обстоятельств — *gistandan, kuman, giuuerthan*. Ср.:

(2) *So im thes uuines brast* (Н 2012) / *Тогда у них закончилось вино*;

(3) *im thie sunu licode best allero giboranero manno* (Н 992–993) / *ему (его) сын нравился лучше всех рожденных людей*;

(4) *ina bigann bi thero menniski muoses lustean* (Н 1060) / *ему из-за его человеческой натуры мяса захотелось*;

(5) *the sia hier frumono gilustid* (Н 1308) / *им благодати хотелось*;

(6) *quat that ina thurstidi* (Н 5642) / *сказал, что ему хотелось пить*;

(7) *ni thunkit mi thit so metlic thing quathie* (4509) / *не кажется мне это правильным*;

(8) *hrau im so hardo* (Н 5022) / *сожалел он сильно*;

¹ Примеры из «Хелианда» приводятся по лондонской рукописи.

(9) *thes im thie uuillo **gistuod*** (Н 969) / *ибо ему это желание было (ему хотелось);*

(10) *huanan skoldi im sulik giuuit **cuman*** (Н 2656) / *откуда должна ему такая мудрость случиться (прійти).*

Из приведенных примеров можно заметить, что семантический субъект во всех случаях выражен местоимением; существительное в этой функции встречается крайне редко. Данная особенность была акцентирована О. Беагелем при описании глагольных сочетаний с дательным падежом: *Die Person wird ganz selten durch ein Substantiv, meist durch ein Pronomen bezeichnet* (Behaghel 1897: 175). Кроме того, приведенная выборка неоднородна в том, что касается формы и значения двух глагольных актантов по отношению друг к другу. Так, в примерах (2), (4), (5) глаголы *brestan*, *lustian*, *gilustian* управляют двумя актантами в косвенном падеже (*im* — dat., *uuines* — gen.; *ina* — асс., *tuoses* — gen.; *sia* — асс., *frumono* — gen.). В противоположность им в примерах (3), (7), (9), (10) левый актант-экспериенцер выражен формой дательного падежа, в то время как правый актант, указывающий на источник переживаний или мыслей экспериенцера, имеет, по-видимому, форму именительного падежа, что превращает безличные конструкции в личные со структурной точки зрения. В концепции О. Фишер, разработанной на материале древнеанглийского языка, структуры первого типа классифицируются как безличные (*impersonal*), а структуры второго типа она называет «источник — субъект» (*source-subject construction*), считая их одной из альтернатив безличным. Разница между двумя конструкциями заключается в присущей им степени переходности глагола и воздействии на актант-экспериенцер. В номинативных конструкциях имеет место прямой перенос воздействия от источника к экспериенцеру, в то время как отсутствие именительного падежа свидетельствует о том, что экспериенцер оказывается менее затронутым тем действием, которое выражается глаголом. Другая альтернативная конструкция имеет вид «экспериенцер — субъект» (*experiencer-subject construction*); ее суть состоит в акцентировании степени волевого участия экспериенцера в воздействии, которое происходит от него самого. Именно с помощью данных альтернативных конструкций О. Фишер объясняет, к примеру, функционирование древнеанглийского глагола *lician* в двух значениях — рецептивном и каузальном (*ic licade — me liketh*) (Fischer, van der Leek 1983). Примеры типа «источник — субъект» с глаголами *hreuiian* и *thunkian* отмечены и в тексте «Генезиса»:

(11) *Nu mag me that **hreuiian*** (Gen 25) / *Теперь могу я об этом сожалеть (= это может мне сожаление причинить);*

(12) *so mi mina sundia nu suidaron **thunkiat*** (Gen 62) / *мне мой грех теперь тяжелее думается.*

В тексте «Хелианда» последний из упомянутых глаголов встречается, помимо прочего, в составе сочетания *uundar thunkian* ‘удивлять’, при этом роль правого актанта (источника переживаний или каких-либо эмоций экспериенцера) выполняет придаточное предложение:

(13) *mi thes uundur thunkit, hui it so guuerthan mugī* (Н 157) / мне это чудом кажется, как так может случиться.

В древнеанглийском описываемая модель экспериенциальной семантики реализуется с широким спектром глаголов (см., например, 47 единиц в [Möhlig-Falke 2012: 83–84]), среди которых можно усмотреть и аналоги приведенным выше древнесаксонским единицам: глаголы физических и психических переживаний — *(ge)lician*, *(ge)lystan*, *sceamian*, *langian*, *(ge)hreowan*, *þurfan*, *(ge)hyngrian*, *þurstan* и др.; глаголы со значением ‘случаться, происходить’ — *gelimpan*, *gesælan*, *getimian*, *(be)cuman*, *behofian*, *gebyrian* и др. При этом имеющиеся семантические классификации обсуждаемых глаголов свидетельствуют о том, что в целом они не сводятся исключительно к сфере чувственного восприятия, формируя достаточно гетерогенную картину пересекающихся или, напротив, расходящихся друг с другом смысловых сфер (см., напр., [Elmer 1981]). Многие из древнеанглийских глаголов, функционирующих в составе описываемой модели, являются полисемичными и отмечаются в безличных конструкциях только в одном из своих значений; более того, некоторые из глаголов встречаются преимущественно в поэзии или прозе (примеры см. в [Ogura 1986: 51–132]). Применительно к древнесаксонскому рассуждать о разнообразии смысловых оттенков глаголов и их взаимосвязи затруднительно в связи с ограниченным объемом памятников и, соответственно, небольшой выборкой языковых структур, которая существенно уступает древнеанглийскому материалу. Так, глаголы *thunkian* и *likon* отмечены в 12 и 3 случаях схожего типа («источник — субъект» с актантом-экспериенцером в дательном падеже), глаголы *lustian*, *gilustian*, *thurstian* — по одному случаю каждый. Глагол *hreuuan* отмечен в 9 случаях, однако зачастую в форме инфинитива в сочетании, к примеру, с глаголом фазисной семантики (см. пример (14) ниже), что считается некоторыми исследователями ограничительным фактором для признания конструкции безличной в строгом смысле слова (Möhlig-Falke 2012: 80–81).

(14) *thuo bigan im thiū dad after thiū an is hugie hreuuan* (5147) / тогда стал он о своих делах в сердце сожалеть.

Глагол *brestan* отмечен в двух случаях, один из которых (безличное и указывающее на нехватку чего-либо) показан в примере (2), а другой (‘ломать(ся), разрывать(ся)’, аналогично совр. англ. *to burst*) — в примере (15) ниже. Замечания относительно семантической дифференциации аналогичного глагола *bresten* в средневерхненемецком есть у С. Д. Кацнельсона. Так, он пишет, что оба глагольных значения связаны друг с другом в том смысле, что «быть обломанным» могло быть осмыслено как «иметь потерю вследствие этого» (Кацнельсон 2010: 42). Ср.:

(15) *im herudrorag hlier endi ora benuundun brast* (Н 4877) / ему меч щеку и ухо смертельной раной отсек.

Наибольшую частотность в рамках безличной конструкции обнаруживают глаголы широкой семантики *giuuerthan* и *uuesan*, которые имеют некоторые

структурные особенности реализации и потому рассматриваются далее в составе отдельных моделей.

3) В оборотах с глаголами *широкой бытийной (а также событийной) семантики* *uuesan* и *giuuerthan*, как и в предложениях предыдущей группы, есть семантический субъект в косвенном падеже. В одном из наиболее трагичных фрагментов «Генезиса», где речь идет об убийстве Авеля Каином, такие обороты часто используются для описания психологического состояния персонажей, например:

(16) *Betho uuas im tho an sorogun* (Gen 89) / Обоим было им тогда горько;

(17) *Thes im thuo bediun sinhiun tuem ser umbi herta [uard]* (Gen 96) / Им тогда супругам обоим больно на сердце стало;

(18) *Soroga uuard thar thuo gikudit Adama endi Euun* (Gen 81) / Печаль тогда охватила Адама и Еву.

Похожие примеры можно найти и в тексте «Хелианда», но здесь, в отличие от «Генезиса», многочисленны случаи сочетания глагола *uuesan* с определенным набором существительных (*uilleo* — ‘желание, воля’; *niud*, *tharf* — ‘нужда, потребность’), что придает им формульный характер:

(19) *uuas im thero uuordo niud* (H 1283) / была им в его словах необходимость;

(20) *uuas im is [huldi] helpono tharf* (H 1187–1188) / была им в его помощи потребность.

В тех случаях, когда правый актант выражен лексическими единицами, не имеющими отношения к эмоциональной или психической сфере, высказываниям характерна бытийная семантика с одновременным указанием на наличие или отсутствие чего-либо у персонажей, например:

(21) *nis unk hier uuiht biuoran* (Gen 21) / перед нами ничего нет;

(22) *unk nis hier scattas uuiht te meti gimarcot* (Gen 23) / у нас нет никаких денег, чтобы на еду обменять.

Со структурной точки зрения предложения обсуждаемого типа, аналоги которых с глаголами *beon* / *wesan* имеются и в древнеанглийском, допускают двоякую интерпретацию. С одной стороны, глагол в них можно считать семантически полнозначным и реализующим двухместную валентность, одна из которых занята субъектом-экспериенцером, а вторая содержит указание на источник его состояния. С другой стороны, ряд исследователей трактуют обсуждаемые глаголы как связочные, которые в сочетании с существительным или прилагательным образуют единый предикат с единственной валентностью для субъекта-экспериенцера. Такая точка зрения представлена, к примеру, у С. Д. Кацнельсона (Кацнельсон 1972: 66), ван дер Гаафа (van der Gaaf 1904). Более того, далеко не все исследователи рассматривают такие конструкции как безличные (см., напр., [Möhligh-Falke 2012: 80]). В классификации древнеанглийских безличных предложений М. Огуры выделяется отдельный подтип (*hit*) / (*him*) is N / Adj / Adv / Prep-ph, куда входят фразы с

beon/wesan/(ge)weorðan и адноминальным элементом (прилагательным, существительным, наречием, предложной фразой, причастием прошедшего времени), которые могут сопровождаться использованием дательного падежа лица-субъекта и / или формального *hit* (примеры см. в [Ogura 1986: 137–161]).

Применительно к безличным оборотам — сочетаниям глагола *beon* с существительными *þearf* или *neod* ‘нужда, потребность’ (древнесаксонские аналоги — см. примеры (19) и (20) выше) М. Огура также отмечает, что в древнеанглийском имела конкуррирующая конструкция с глаголом принадлежности *habban* ‘иметь’ без признаков безличности (*ic hæbbe neode*) (Ogura 1986: 155). По сути, данное наблюдение открывает глубокие языковые связи и закономерности не только в германском ареале, но и за его пределами. Исследователями неоднократно отмечалась возможность выразить семантику принадлежности с помощью бытийного глагола во многих древних и современных языках (ср. рус. *у меня есть*), что считается наследием индоевропейской эпохи, а распространение более позднего по времени происхождения оборота «иметь + в. п.» связывается с процессами аналитизации и аналогией с глаголами действия в языках номинативного строя (обзор литературы по данному вопросу см. в [Зарецкий 2008: 111–116]). Вместе с тем новая конструкция с глаголом принадлежности сохраняет экспериенциальную семантику (напр., *I have a headache*) (Haspelmath 2001: 64). В древнесаксонских текстах сочетаний существительных *tharf* или *niud* с глаголом *habban* не отмечено, и значение потребности выражается с помощью безличной конструкции с семантическим субъектом в дательном падеже.

С другой стороны, примечательной особенностью древнесаксонского является то, что обороты с глаголом *hebbian*, которые нельзя причислить к безличным в связи с наличием в конструкции номинативного подлежащего, могут иметь в своем составе личное местоимение в дательном падеже, референция которого совпадает с подлежащим. Иными словами, конструкции подобного рода объединяют в себе признаки личных и безличных оборотов в двух отношениях: в части структуры, которая подразумевает указание на одно и то же действующее лицо в именительном и дательном падеже, а также в части экспериенциальной семантики, которая создается прежде всего глаголом *hebbian* и поддерживается местоимением в дательном падеже. Ср.:

(23) (*liudi...*) *habdun im hugi strangan* (Gen 120) / *имели (себе) тяжелые мысли*;

(24) (*Abraham...*) *habda im ellian guod, uuisa uuordquidi* (Gen 189–190) / *имел (себе) храбрость, мудрые слова*.

В древнеанглийском такое, казалось бы, излишнее использование местоимения в дательном падеже наблюдается, среди прочего, с глаголами движения (Ярцева 2022: 51). Р. Фалке выделяет несколько видов так называемого свободного использования дательного падежа (*free dative use*) в древнеанглийском, из

которых к примерам (23) и (24) наиболее близко подходит плеонастическое употребление (*pleonastic use*) (Möhlig-Falke 2012: 36).

4. Особый тип безличных оборотов составляют **предложения с формальным подлежащим**, наличие которого, как было показано во введении, рассматривается многими исследователями в качестве достаточного основания для признания конструкции безличной. Применительно к древнеанглийскому часто отмечается, что именно наличие такого семантически опустошенного элемента, выполняющего вводную функцию и занимающего позицию подлежащего, позволило семантически безличным конструкциям обрести признаки доминирующей морфосинтаксической формы и встроиться в стандартный ряд двусоставных предложений английского языка (Ярцева 2022: 56). В тексте «Хелианда» предложения подобного рода реализуются не только с глаголом *uuesan*, но и *giuuerthan*, при этом с местоимением *it* в роли формального подлежащего может эпизодически конкурировать указательное местоимение *that*, семантика которого, по всей видимости, существенно ослаблена. Ср.:

(25) *it is unk al te lat* (Н 142) / *для нас слишком поздно*.

Глагол *giuuerthan* отмечен по большей части в составе условной формулы *it (that) giuuerthan so* (17 случаев из 26), например:

(26) *huo mag that giuuerthan so...?* (Н 141) / *как могло случиться так...?*;

(27) *huo it so giuuerthan mugī* (Н 158) / *как так случиться могло бы*.

Нередко за указанной формулой следует придаточное предложение, что соответствует функции формального подлежащего как вводного элемента с ориентацией на последующее развёртывание высказывания, например:

(28) *huuand so huann so that geuirthit that uualdand Krist ...* (Н 4378) / *когда бы так ни случилось, что всемогущий Христос...*

Помимо конструкций с формальным подлежащим многочисленны случаи реализации глагола *giuuerthan* и в составе личной структуры с полнозначным подлежащим, например:

(29) *huan thiū marie tid giuuiridī an thesaru uueroldi* (Н 4299–4300) / *когда назначенное время случится в этом мире*.

В тексте «Генезиса» структура с формальным подлежащим отмечена в единственном случае:

(30) *that is firinum kald* (Gen 19) / *ужасно холодно*.

Разнообразие типов безличных предложений, отмеченных в тексте «Хелианда» и «Генезиса», а также некоторые из их функциональных особенностей показаны в общем виде в таблице (см. Табл.).

Таблица. Безличные предложения в текстах «Хелианда» и «Генезиса»

	Модель безлично-го предложения	«Хелианд»	«Генезис»	Примечание
1.	Модель с актантом-экспериенцером в дательном или винительном падеже	Реализуется с глаголами <i>brestan</i> (в одном из значений), <i>likon</i> , <i>(gi)lustian</i> , <i>thurstian</i> , <i>(uundar) thunkian</i> , <i>hreuuau</i> , <i>gistandan</i> , <i>kuman</i> , <i>giuuerthan</i> .	Реализуется с глаголами <i>thunkian</i> , <i>hreuuau</i>	Помимо безличной конструкции с двумя актантами в косвенном падеже, возможна конструкция типа «источник — субъект»
2.	Модель с глаголами <i>uuesan</i> и <i>giuuerthan</i> и актантом-экспериенцером в дательном падеже	Многочисленные формульные сочетания с существительными <i>uuilleo</i> , <i>niud</i> , <i>tharf</i>	Используется для характеристики психологического состояния персонажей	Может иметь бытийную семантику, указывать на наличие или отсутствие чего-либо
3.	Модель с формальным подлежащим (<i>it</i> , <i>that</i>)	Реализуется с глаголами <i>uuesan</i> и <i>giuuerthan</i>	Отмечена в одном случае с глаголом <i>uuesan</i>	

4. Заключение

Анализ безличных структур, выявленных в древнесаксонском материале, позволяет отметить некоторые различия в их реализации в двух памятниках, а вместе с тем — провести параллели с древнеанглийскими конструкциями. В целом можно говорить о том, что все основные модели безличного предложения, выделяемые для древнеанглийского (модель экспериенциальной семантики с субъектом в косвенном падеже, модель с бытийными (событийными) глаголами, модель с формальным подлежащим), представлены в текстах «Хелианда» и «Генезиса», однако их частотность существенно различается в связи с разным объемом языкового материала. Учитывая это, статистическое или какое-либо иное функциональное сопоставление конструкций в двух текстах не представляется в полной мере надежным и оправданным. Скорее, выявленные особенности можно рассматривать как компоненты общей картины способов выражения семантики безличности в древнесаксонском. По разнообразию глаголов текст «Генезиса» существенно уступает тексту «Хелианда», который вместе с тем обнаруживает тенденцию к формульности некоторых структур, что может быть связано с традициями древнегерманского аллитерационного стихосложения. Особенности реализации глаголов в составе модели экспериенциальной семантики в обоих текстах показывают наличие у нее нескольких разновидностей, что демонстрирует комплексность самого понятия безличности в пределах традиционно выделяемых структурных и семантических признаков. В частности, в ряде случаев актант, указывающий на источник некоторого состояния экспериенцера, имеет форму именительного падежа, что

превращает структуру в формально личную, однако по своей семантике идентичную безличным оборотам. Полученные данные дополняют выводы, сделанные исследователями ранее на материале древнеанглийского языка о разнообразии оттенков значений так называемых безличных глаголов и формируемых ими конструкций.

Список литературы / References

- Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1986. [Vinogradov, Viktor V. (1986) *Russkij jazyk* (Russian Language). Moscow: Vysshaja Shkola. (In Russian)].
- Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. [Galkina-Fedoruk, Evdokija M. (1958) *Bezlichnyje predlozhenija v sovremennom russkom jazyke* (Impersonal Sentences in Russian). Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta. (In Russian)].
- Зарецкий Е. В. Безличные конструкции в русском языке. Астрахань: ИД «Астраханский ун-т», 2008. [Zaretskij, Evgenij V. (2008) *Bezlichnyje konstruksii v russkom jazyke* (Impersonal Constructions in Russian). Astrakhan: ID "Astrakhanskiy un-t". (In Russian)].
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. [Zolotova, Galina A. (2009) *Ocherk funktsionalnogo sintaksisa russkogo jazyka* (Functional Syntax of Russian Language). Moscow: Knizhnyy dom "Librokom". (In Russian)].
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. [Katsnelson, Solomon D. (1972) *Tipologija jazyka i rechevoje myshlenije* (Language Typology and Speech Thinking). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. [Katsnelson, Solomon D. (2010) *Istoriko-grammaticeskije issledovaniya* (Historical and Grammar Studies). Saint-Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo. (In Russian)].
- Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.: ЛЕНАНД, 2022. [Yartseva, Viktorija N. (2022) *Istoricheskij sintaksis anglijskogo jazyka* (The Historic Syntax of the English Language). Moscow: LENAND. (In Russian)].
- Behaghel, Otto. (1897) *Die Syntax des Heliand*. Wien: F. Tempsky.
- Elmer, Willy. (1981) *Diachronic Grammar: The History of Old and Middle English Subjectless Constructions*. Tübingen: Niemeyer.
- Fischer, Olga, van Kemenade, Ans, Koopman, Willem, & van der Wurff, Win. (2003) *The Syntax of Early English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fischer, Olga, & van der Leek, Frederike (1983) The Demise of the Old English Impersonal Construction. *Journal of Linguistics*, 19, 337–368.
- Haspelmath, Martin. (2001) Non-canonical Marking of Core Arguments in European Languages. In Alikhenvald, Alexandra, Dixon, Robert, & Onishi, Masayuki. (eds.) *Non-canonical Marking of Subjects and Objects*. Amsterdam: John Benjamins, 53–85.
- Hogg, Richard, & Denison, David. (2006) *A History of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mitchell, Bruce. (1985) *Old English Syntax*. Oxford: Clarendon Press.
- Lightfoot, David. (1979) *Principles of Diachronic Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Los, Bettelou. (2015) *A Historical Syntax of English*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Möhlig-Falke, Ruth. (2012) *The Early English Impersonal Construction*. Oxford: Oxford University Press.

- Ogura, Michiko. (1986) *Old English 'Impersonal' Verbs and Expressions*. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger.
- Ringe, Don, & Taylor, Ann. (2014) *The Development of Old English*. Oxford: Oxford University Press.
- Traugott, Elizabeth C. (2005) Syntax. In Hogg, Richard M. (ed.) *The Cambridge History of the English Language. Vol. I: Beginnings to 1066*. Cambridge: Cambridge University Press, 168–289.
- Van der Gaaf, Willem. (1904) *The Transition from the Impersonal to the Personal Construction in Middle English*. Amsterdam: Swets & Zeitlinger.
- Visser, Theodor. (1969) *An Historical Syntax of the English Language. Part three*. Leiden: E. J. Brill.
- Wahlen, Nils. (1925) *The Old English Impersonalia*. Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag.

Источники языкового материала / Language material resources

- Behaghel, Otto. (1903) *Heliand und Genesis*. Halle: M. Niemeyer.
- Heliand, Eduard S. (1878) *Herausgegeben von Eduard Sievers*. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses.